

приурочено и воспоминание о захвате Азова или какого-либо другого турецкого города не прямо военной силой, а хитростью.

Самый примечательный эпизод в истории борьбы казаков за Азов — взятие и осада 1637—1642 годов — притянул к себе, как видим, народные предания о набегах за добычей, о пленниках, которых берегли казаки, чтобы получить богатый выкуп, наконец, — о военных хитростях, применявшихся в борьбе с турками. Эти предания оформлялись в песнях, не только прямо приуроченных к Азову. После персидских походов Степана Разина песни, сложенные по свежим следам этих походов, бытуя рядом со старшими азовскими песнями, передавали им некоторые исторические подробности своего содержания, которые заменяли забывшиеся черты азовских событий. Вот почему и в первом, несомненно песенного происхождения, эпизоде Сказочной повести есть основание видеть отголосок не только казачьих набегов, современных азовским походам, но и первых походов Разина и даже давних походов Ермака. Однако самый переход таких подробностей в азовский сюжет был возможен именно потому, что исторически набеги за добычей и в середине XVII века и во время Разина протекали в близких формах.

Так и окруженный вполне реальными деталями вводный рассказ о похищении невесты крымского царя представляет собой обобщение отдельных случаев захвата богатых пленников. Песня знает и случаи похищения девушек. По убедительной догадке акад. А. С. Орлова, в Азовскую повесть рассказ о пленении девушек перенесен из разинского цикла песен.¹ Песня, связывающая взятие Азова с переодеванием казаков купцами, также, по мнению этого исследователя, связана с преданием о взятии Разиным в 1668 году персидского города Фарабата хитростью — казаки вошли в город „под видом купцов, которые хотят продать свои товары и купить новые“.² Если даже исторической основой песням и послужило действительно воспоминание о захвате Фарабата, то все же приурочение этого случая к Азову, думаем, произошло уже в песенной традиции, и автор Сказочной повести повел свой рассказ по таким версиям азовской песни, а не непосредственно по преданиям или песням о разинских походах.

Песня о похищении молодой Урзамовны, дочери турецкого мурзы, в старшей версии, сохранившейся в Сборнике Кириши Данилова, не называя прямо имени Разина, все же носит на себе явные следы песенного предания именно о его походах, хотя здесь уже есть довольно обычная в песнях замена Разина Ермаком. Вряд ли, однако, попытки возводить самую песню к циклу, возникшему в связи с походами Ермака, могут быть признаны убедительными.

Такую попытку сделал Д. С. Лихачев, сопоставив песню о похищении Урзамовны с рассказом Кунгурской летописи о том, как во время сборов ясак местный князек Елыгай привел Ермаку „прекрасную дочь свою в честь и в дар. Ермак же не принял и отверг и прочим запретил“. „Та бо девка роду ханска Сергачика царя прекрасна“. „Прекрасна дочь Елыгай“, — предполагает Д. С. Лихачев, — не есть ли это прототип той песенной „души красной девицы, молодой Урзамовны“, дочери „Мурзы турскова, которую казаки Ермака отпускают не обидев“.³

¹ Сказочные повести, стр. 150.

² Там же, стр. 152.

³ Повести о покорении Сибири. История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 92.